

Лит. Россия - 1994. - 23 дек. - с. 12.

Ах, пуля, конечно же, дура...

Сегодня историю афганского похода 40-й армии можно изучать по мемуарам военачальников (уже выпущена книга генерала Бориса Громова «Ограниченный контингент»), можно по письмам и дневникам очевидцев (Петр Ткаченко составил и издал сборник воспоминаний «Афганистан болит в моей душе...») и писем из Афганистана («Дорогие мои»), а можно по стихам и песням Виктора Верстакова.

Как поэт он сформировался еще до афганской эпопеи. В 1975 году на VI Всесоюзном совещании молодых писателей обсуждалась рукопись первого его сборника «Традиция». Тогда она вызвала резкое неприятие у Д.Кугультинова и К.Кулиева. Именитые поэты утверждали, что стихи Верстакова к литературе никакого отношения не имеют, что это — солдафонщина, очевидно намекая на курсантские погони семинариста (он в ту пору заканчивал Военную академию им. Дзержинского). Но неожиданно за молодого автора вступился Сергей Орлов. Подводя итоги обсуждения, он заявил: «Я целиком согласен со своим другом-солдатом Виктором». Орлова больше всего тронули стихи Верстакова об отце, который так же, как и Орлов, прошел танкистом всю Великую Отечественную и тоже горел в танке... А после выхода второго сборника «Сердца и звезды» молодому поэту пришла бандероль от К. Симонова. Он прислал Верстакову давнее, 1958 года издание своей поэмы «Иван да Марья» с трогательной надписью: «Недавно в Воениздате я взял почитать ваши «Сердца и звезды». В книге есть стихи, берущие за душу. И мне почему-то захотелось послать вам именно эту свою старую книжку про Ивана да Марью. Желая вам дальнейшей доброй работы. 9.IX.78».

И все-таки по-настоящему поэтический голос Верстакова проявился только в третьей книге — «Инженерный батальон», во многом навеянной отцовскими рассказами о войне и раздумьями о малой родине — шуиской земле.

Афганистан круто изменил творческую судьбу Верстакова. О вводе наших войск писатель узнал у пограничников Средней Азии, к которым он приехал накануне нового, 1980 года в командировку. Воспользовавшись суматохой и неразберихой, царившей в те дни в Туркестанском военном округе, Верстаков с одобрением военного журналиста газеты «Правда» решил во что бы то ни стало пересечь границу, и это ему удалось. В Афганистане после декабрьских событий он оказался самым первым представителем московской печати. Причем в «Правде» об инициативе своего сотрудника ничего не знали. И когда он наконец появился в Москве, его собирались даже очень строго наказывать за самовольство. От нахлобучки Верстакова спасла серия привезенных им очерков о том, как афганцы встретили нашу армию. Сам Верстаков не мог тогда отделаться от чувства, что Афганистан переживает настоящий революционный подъем и находится в какой-то эйфории.

Романтик, поубавилось осенью, 1981 года, когда писатель побывал во второй

афганской командировке. Она не обошлась без ЧП. Верстаков заглянул тогда прямо в глаза смерти. А было это так. В начале октября он оказался в горах Гиндукуша у наших десантников. И как-то утром проснулся от гула вертолетных двигателей. Это приземлились в лагерь десантников два МИ-8. Уже через несколько минут Верстаков был на взлетной полосе, где разговорился с перекуривавшими летчиками. Слово за слово, и цель достигнута, Верстакова согласились взять в полет. Уже перед самым запуском двигателя его попросили пересест в другой вертолет, чтоб не скучиваться. Кто же знал, что вскоре крылатые машины попадут под душманский обстрел? Первый, ведущий вертолет, из которого Верстакова пересадили в ведомый, сбили. Сесть рядом с ним не удалось. Больше часа, пока позволяя топливный запас, вертолет кружил над ущельем, куда упал первый МИ-8, дожидаясь подмоги с базы. В лагерь вернувшись с трудом. Садиться тяжело — были повреждены лопасти и стойка правого колеса. Но большой передышки делать не стали. Забрав десантников, экипаж вместе с Верстаковым снова полетел к ущелью. Сласти тогда удалось только бортмеханика... Нет, не за одни афганские репортажи Верстаков получил медаль «За боевые заслуги» — были действительно и боевые заслуги.

Вообще Верстакову на афганской войне приходилось куда трудней, чем многим другим его пишущим собратьям. Ведь он постоянно летал в Афганистан не как свободный поэт: в Москве от него ждали статей с конкретными эпизодами из армейской жизни. И в конце концов из этих эпизодов постепенно сложилась книга публицистики с очень точным названием «Афганский дневник». В таком же духе Верстаков пробовал писать и свои первые «афганские» песни. Но в отличие от газетных очерков песни балладного плана какого-либо отклика не получали. Прежде всего их не принимала армия. Может, потому, что люди в погонах ждали таких стихов и песен, в которых была бы показана их собственная жизнь, ощущалась бы связь со всем миром. И тогда Верстаков задумал песню «Перевал».

Первые ее строки Верстаков написал в январе 1980 года в афганских горах. Как он сам рассказывал, была плохая погода, вертолеты не прилетали. Вот в этих условиях, когда авиация не могла поддержать ребят, на земле завязался очередной бой. О нем-то Верстаков и собирался написать... Но, поставив последнюю точку, он понял, что суть не в погоде и в каких-то конкретных делах, и уже после возвращения из Афганистана в Москву написал другой вариант песни, о солдатской судьбе, которая не зависит ни от каких обстоятельств. Поэтому здесь и появился сигнарист с трубой...

И откликнулись близкие склоны,

И в разрыв прольвиющих туч

опустился с небес на погону

остепительный солнечный луч.

Пой, труба, о солдатской удаче,

о высокой армейской судьбе.

Горным эхом и солнцем горячим

салютует эпоха тебе.

Виктор ВЕРСТАКОВ

Оба варианта песни Верстаков «проверял» в Афганистане. Казалось бы, первый вариант с конкретными описаниями должен был стать ближе нашим солдатам. Но вот же — не вызвал он ответного отклика, не задал в душу. А второй вариант — такой вроде бы общий, без конкретных деталей — прижился.

В Афганистане наши воины постоянно находились как бы на перекрестке двух цивилизаций и двух вер. Костяк, основу нашей армии в Афганистане, особенно после 1982 года, составляли славяне, в той или иной мере являвшиеся носителями христианских традиций. И вот в Афганистане большинство славян впервые соприкоснулись с реалиями исламского мира. Но вот что характерно: если судить по песням Верстакова, за всю историю похода практически не наблюдалось резкого противостояния двух вер, очень мало было людей, рассматривавших афганскую войну как конфликт между христианством и исламом. Больше того, если при Амине многие мечети подвергались грабежам, то советские войска, войдя в Афганистан, оstanовили разорение храмов. При нас в Афганистане никаких гонений на ислам не допускалось.

Вспомним широко популярную среди «афганцев» песню Верстакова «Пылает город Кандагар...». Она во многом построена на двух словах из мусульманской молитвы — «Аллах акбар». Это восклицание наши воины слышали в Афганистане, можно сказать, и день, и ночь. Чуть ли не каждое утро они просыпались под громкие крики муллы из близлежащей мечети, восхвалявшего своего бога. Создавалось впечатление, что слова молитвы несли мир и спокойствие. Совсем по-другому было по ночам: когда приходилось вступать в соприкосновение с моджахедами. Для них «Аллах акбар» звучал как боевой клич. А что приняла душа русского офицера? Ей оказалось чуждо противостояние. Мусульманскую молитву в советских гарнизонах обратили в шутивное приветствие. Когда в подразделении был порядок, наши офицеры миролюбиво обращались друг к другу со словами: «Аллах акбар». Песня Верстакова очень точно передает всю многозначность этого восклицания.

*Пылает город Кандагар,
Живым уйти нельзя.
И все-таки Аллах акбар,
Аллах акбар, друзья.*

*Мне было тошно в жизни той,
Я жить, как все, не смог.
Простился с верною женой:
Аллах акбар, дружок.*

*И над могилою отца
Заплакал наконец:
Твой путь пройду я до конца,
Аллах акбар, отец.*

У тех, кто так и не понял смысл и драму афганского похода, последние строки до сих пор вызывают удивление: как в России на могиле отца, похороненного по христианским обычаям, можно произносить слова из мусульманской молитвы? Но лирический герой Верстакова, как и сам поэт, воспринимал Аллаха не как Высшего судью мусульман или всего мира, Аллах олицетворялся в данном случае с судьбой военного человека. И это подтверждают последние строфы стихотворения:

*Аллах акбар! Горит песок,
и рушится скала,
и очередь наискосок
дорогу перешла.*

*Аллах акбар! Грохочет склон,
и перебит дозор.
Веди ж в атаку батальон,
Аллах акбар, майор.*

*Вы слышите, как мы поем
там, в цинковых гробах,
ты входишь ли, как мы идем,
ты не свернешь, Аллах!*

Возвратившись из афганского похода, армия застала на родине агонию прежнего строя. И это вызвало у офицерского корпуса уже иные чувства. Армия стала чаще вспоминать уроки белого движения. Исчезла псевдоромантика, игра в поручика Голицына. Офицеры, приобретшие в Афганистане боевой опыт, стали по-новому осмысливать свои судьбы и судьбу России. Это четко прослеживается в офицерских романах, написанных Верстаковым уже в 90-е годы.

Афганистан помог поэту лучше понять отца и его войну. Отец Верстакова прошел всю Отечественную, несколько раз горел в танке, был ранен. Однажды не выдержал, избил дезертира, за что угодил в штрафбат. После очередного ранения ему разрешили вернуться в танкисты. Храбрость его не знала границ. Но вот с началом везло не всегда. Был случай, когда на его глазах генерал порвал документы с представлением его к звезде Героя. Впрочем, обо всем этом Верстаков рассказывал в прозаической поэме «Бедная Клара из города Вятки»...

Драма нашего времени, естественно, повлияла и на творческие поиски писателя. В последние годы он сознательно стал уходить от афганской темы. Не потому, что Афганистан уже отболел в его душе. Нет, прошлое не забывается. И афганские воспоминания будут преследовать Виктора Верстакова постоянно. Обращение к новому материалу, как и углубление старых тем, связанных с познанием истории России и осмыслением Великой Отечественной войны, вызвано прежде всего попытками осознать свое «я» в нашем быстро меняющемся мире.

Вячеслав ОГРЫЗКО